

Научная статья
УДК 343.10
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-193-200>

Акты реализации прокурором функции уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела по нормам УПК Республики Таджикистан и УПК Российской Федерации

Сатторов Сухроб Наимович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, sattorov_21@list.ru

Аннотация. Предметом сравнительно-правового анализа в данной работе выступают неоднозначные нормы уголовно-процессуального закона Российской Федерации и Республики Таджикистан относительно процессуального статуса и реальных полномочий прокурора по осуществлению функции уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела. Анализируя нормы закона, позиции национальной доктрины и непосредственно закономерности деятельности, осуществляемой на этом этапе, автор ставит на обсуждение основные проблемы, коллизии практики, пробелы закона, предлагая меры по снятию противоречий и оптимизации практики.

Ключевые слова: прокурор, уголовное преследование, функция, повод и основание, возбуждение уголовного дела

Для цитирования: Сатторов С. Н. Акты реализации прокурором функции уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела по нормам УПК Республики Таджикистан и УПК Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 193–200. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-193-200>.

Original article

Acts of the prosecutor's implementation of the function of criminal prosecution at the stage of initiation of a criminal case according to the norms CPC of the Republic of Tajikistan and CPC of the Russian Federation

Sukhrob N. Sattorov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, sattorov_21@list.ru

Abstract. The subject of comparative legal analysis in this work is the ambiguous norms of the criminal procedure law of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan regarding the procedural status and real powers of the prosecutor to carry out the function of criminal prosecution at the stage of initiation of a criminal case. Analyzing the norms of the law, the positions of the national doctrine and directly the patterns of activity carried out at this stage, the author discusses the main problems, conflicts of practice, gaps in the law, suggesting measures to remove contradictions and optimize practice.

© Сатторов С. Н., 2024

Keywords: prosecutor, criminal prosecution, function, reason and basis, initiation of a criminal case

For citation: Sattorov S. N. Acts of the prosecutor's implementation of the function of criminal prosecution at the stage of initiation of a criminal case according to the norms CPC of the Republic of Tajikistan and CPC of the Russian Federation. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 193–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-193-200>.

Как в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, так и Республики Таджикистан стадия возбуждения уголовного дела носит первичный, обязательный, ординарный характер. И прежде, чем обратиться к анализу статуса и форм деятельности прокурора на этом этапе уголовно-процессуальной деятельности, считаем необходимым определиться в основных характеристиках и указанной стадии, и деятельности, в ней осуществляемой.

В доктрине российского уголовно-процессуального права большинство из исследователей отстаивают позиции, согласно которым перед указанной стадией стоит единственная задача: проверить (по поступившему поводу) наличие оснований для возбуждения уголовного дела или отказа в этом [1, с. 54–56; 2, с. 56–58].

Само основание определено уголовно-процессуальным законом как наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Данные по нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) однозначно суть доказательства; иное их понимание в принципе не значимо для задач и целей процесса. С признаками преступления, напротив, не все так однозначно. С позиций практической деятельности управомоченных субъектов доследственной проверки более «интересуют» признаки состава преступления, а не сугубо теоретические конструкции, характеризующие общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость деяния, но никак не отвечающие на основной вопрос, по какой именно конкретной статье Уголовного кодекса следует возбудить уголовное дело (либо отказать в этом) [3].

Процессуальным средством (системой средств), призванным к решению непосредственной задачи стадии, является так называемая доследственная проверка повода и основания к возбуждению уголовного дела, предусмотренная статьей 144 УПК РФ. Именно нормами этой статьи в российском уголовном процессе, во-первых, установлена императивная, по сути, обязанность к осуществлению подобной проверки по каждому поступившему поводу вне зависимости от возможного наличия оснований (фактических данных) в самом

поводе. Во-вторых, определен исчерпывающий перечень процессуальных средств, посредством которых государственные органы и должностные лица, ведущие процесс, устанавливают искомое основание к возбуждению дела и оперативно фиксируют (процессуально «закрепляют») доказательства, которые могут быть утрачены для процесса доказывания. Здесь же названы субъекты доследственной (предварительной) проверки.

Определены уголовно-процессуальным законом и предельные сроки данной проверки, а также фактические ее результаты — как виды итоговых процессуальных решений, которые в пределах компетенции того или иного субъекта могут быть вынесены на этом этапе (ст. 145 УПК РФ).

«Возвращаясь» непосредственно к функциям, статусу и актам деятельности прокурора на этом этапе, отметим некоторую двойственность его процессуального положения — как субъекта с властным, но не всегда акцентированно выраженным управомоченным статусом. И, прежде всего, возникает вопрос о прокуроре как властном инициаторе указанной стадии и, соответственно, доследственной деятельности (ст. 144 УПК РФ), призванной к проверке и формированию искомого основания. С одной стороны, прокурор (как бы) уполномочен: выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса **об уголовном преследовании** по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). И по нормам пункта 4 части 1 статьи 140 УПК РФ — это законный повод к возбуждению дела, который должен быть принят, зарегистрирован, проверен по правилам статьи 144 УПК РФ; с вынесением итогового решения по факту проверки. С другой стороны, для следственных органов этот повод носит такой же ординарный характер, как и иные, указанные в части 1, 1.3 статьи 140 УПК РФ. Он не влечет обязательного возбуждения дела. В случае несогласия с информацией, представленной прокурором, следователь с согласия руководителя следственного органа (далее — РСО) вправе отказать прокурору в возбуждении уголовного дела (ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ).

В итоге, по нормам УПК РФ прокурор более не является властным инициатором деятельности по уголовному преследованию (применительно к следственным органам!).

Отметим также и то, что прокурор не указан в перечне управомоченных субъектов доследственной проверки, осуществляемой по нормам статьи 144 УПК РФ; как следствие, возникает вопрос о характере информации, изложенной данным субъектом непосредственно в указанном постановлении или приложенных к нему материалах прокурорской проверки. Это также фактические данные (суть доказательства) или с позиций буквы закона подобная постановка вопроса не имеет под собой оснований, так как эти данные были получены не в рамках уголовно-процессуальных отношений, а сугубо средствами (ведомственной) прокурорской проверки.

Не указан прокурор и в качестве управомоченного субъекта возбуждения дела, — как акта начала публичного уголовного преследования (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 года № 1-П); причем как по нормам части 1 статьи 146 УПК РФ, так и по нормам части 4 статьи 20 УПК РФ. Не дает он более и согласия на вынесение этого акта.

В итоге, можно обоснованно утверждать о крайне ограниченных полномочиях российского прокурора по непосредственному осуществлению актов уголовного преследования в стадии возбуждения. Более того, ряд исследователей, исходя из анализа указанных норм, прямо отстаивают вывод о том, что на этом этапе процесса прокурор более не является управомоченным субъектом уголовного преследования [4, с. 20–25; 5, с. 12].

Нам трудно согласиться с указанным. Во-первых, в силу того, что акты прокурорского реагирования, как и ранее, императивно обязательны для органа дознания, дознавателя, что оставляет прокурору достаточно широкие возможности как для властного осуществления указанной деятельности, так и для ее координации применительно к указанным органам. Во-вторых, при более скрупулезном анализе как норм УПК РФ, так и актов прокурорского реагирования формируется вывод о том, что у прокурора в наличии ряд достаточно действенных средств и для инициации уголовного преследования на этом процессуальном этапе, и для эффективного контроля за качественными его результатами. Речь, прежде всего, о таких властных полномочиях прокурора, как (право):

— проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении заявлений, сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

— выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов (прокурорской проверки. — **С. С.**) в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37, п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ);

— требовать от органов дознания, дознавателей, следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

— истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с нормами УПК РФ (п. 5.1 ч. 2 ст. 37, ч. 6 ст. 148 УПК РФ);

— передавать материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными статьей 150–151 УПК РФ (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

— изымать любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать их следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

— поручить органу дознания осуществление доследственной проверки по сообщению о преступлении, распространенному в средствах массовой информации. При этом редакция, главный редактор соответствующего средства массовой информации обязаны передать по требованию прокурора имеющиеся в их распоряжении документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию. За исключением, конечно, случаев, когда лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации (ч. 2 ст. 144 УПК РФ).

— по ходатайству дознавателя, органа дознания продлить срок доследственной проверки до 30 суток с обязательным указанием на

конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления (ч. 3 ст. 144 УПК РФ);

— разрешать (в течение 3 суток с момента поступления соответствующего обращения) споры о передаче заявления, сообщения о преступлении по подследственности в соответствии с пунктом 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ (ч. 4 ст. 145 УПК РФ);

— в случае, предусмотренном частью 1 статьи 214 УПК РФ инициировать перед судом ходатайство о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (по истечении одного года с момента принятия такого решения тем или иным уполномоченным органом; ч. 1 ст. 214.1 УПК РФ).

Доктрина российского уголовно-процессуального права и ведомственная правовая статистика однозначно фиксируют нарастающие тенденции в деятельности прокуратуры по широкому обращению к указанным полномочиям [6]. Акцентируются и в целом положительные результаты подобной активности [7, с. 20–35]. Как следствие, мы готовы скорее признать, что, несмотря на известные новации, прокурор все же наделен отдельными, несколько ограниченными полномочиями, как по инициации деятельности по уголовному преследованию на этом этапе, так и по обеспечению ее значимых (качественных) результатов.

Нас, в контексте сравнительно-правового анализа, более интересуют процессуальный статус и функции прокурора в стадии возбуждения уголовного дела по нормам Республики Таджикистан. Как и в российском уголовно-процессуальном законе, непосредственное обнаружение прокурором признаков преступления является легальным поводом к возбуждению уголовного дела (абз. 5 ч. 1 ст. 140 УПК РТ). Однако, в отличие от российского «аналога», таджикский законодатель оставил за рамками актуальной нормативной регламентации процессуальную форму его объективации. Нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее — УПК РТ) не содержат предписаний к тому, чтобы этот повод был оформлен в форме властного прокурорского акта — постановления. Во-вторых, несколько дезориентирует указание закона на «непосредственный» характер обнаружения признаков преступления — непосредственно прокурором. Поясним: по нормам УПК РФ непосредственное обнаружение признаков преступления властным процессуальным субъектом должно быть процессуально (как

повод!) оформлено самостоятельным рапортом (с кратким изложением в нем фактических обстоятельств деяния; ст. 143 УПК РФ). Этот рапорт по букве закона должен быть принят, зарегистрирован, проверен по правилам части 1 статьи 144 УПК РФ. Обязательно и вынесение итогового процессуального решения по факту проверки (ст. 145 УПК РФ), копия которого незамедлительно адресуется прокурору.

В нормах главы 17 УПК РТ нет норм, аналогичных статье 143 УПК РФ. Как следствие, возникают вопросы: это непосредственное обнаружение признаков преступления должно быть процессуально оформлено именно постановлением. Или надо, «по аналогии», апеллировать к рапорту (с введением в предписания гл. 17 УПК РТ самостоятельной статьи, по образцу норм статей 141–144 УПК РТ, раскрывающих порядок процессуального оформления каждого из поводов). На наш взгляд, учитывая статус и назначение прокурора в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан, указанный факт должен быть процессуально оформлен исключительно постановлением — актом властно-распорядительного характера, а не рапортом, не имеющим строгой процессуальной формы.

Соответственно, нормы главы 17 УПК РФ должны быть дополнены новой статьей 144.1 УПК РТ (в следующей нормативной редакции): **статья 144.1 Непосредственное обнаружение признаков преступления прокурором, следователем, органом дознания, дознавателем.** «Повод к возбуждению уголовного дела, предусмотренный абзацем 5 части 1 статьи 140 настоящего Кодекса, для задач его регистрации, процессуальной проверки, принятия итогового решения в соответствии с частью шестой статьи 145 настоящего Кодекса должен быть процессуально оформлен постановлением должностного лица, выявившего признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, с кратким изложением в указанном постановлении фактических обстоятельств указанного деяния».

Остановимся и на понятии «основания к возбуждению дела», так как позиции таджикского законодателя в этом вопросе оказались несколько двусмысленными. С одной стороны, глава 17 УПК РТ носит название «Повод и основания к возбуждению уголовного дела». Акцентируем: речь идет не о поводах, а о поводе (единственное число) и основаниях (множественное число). Соответственно, статья 140 УПК РТ, именуемая как: «Основания к возбуждению уголовного дела», по идее должна предложить либо понятие,

либо перечень легальных оснований к вынесению указанного акта. Тем не менее в части 1 этой статьи по факту приведен именно перечень поводов (информационных источников сведений о преступлении и, одновременно, обязывающих юридических фактов). Второй части, призванной к раскрытию точного понимания именно основания к возбуждению уголовного дела, в указанной статье, нет. Таким образом, либо законодатель отождествляет суть повода и основания к возбуждению дела и, соответственно, для законного и обоснованного вынесения данного властного акта достаточно лишь поступления, перечисленных в части 1 статьи 140 УПК РФ, поводов-оснований, либо мы имеем дело с системной ошибкой, вносящей правовую неопределенность в практические аспекты деятельности, реализуемой на этом процессуальном этапе.

Попробуем разобраться. Национальный законодатель, действительно, не апеллирует к сути и содержанию категории «основание» для возбуждения уголовного дела, как утверждает ряд исследователей при анализе указанных норм [8, с. 214–215, 217; 9, с. 45–52]? Или ошибка, как раз, в итоговых выводах отдельных исследователей, а не в позициях законодателя. Обратимся за ответом непосредственно к «букве» и духу закона.

На наш взгляд, действующий УПК РФ вовсе не отрицает актуальности процессуальной проверки (установления) основания к возбуждению дела, перманентно апеллируя либо к сути, либо к содержанию указанной категории.

Оценим, к примеру, предписание абзаца 5 части 1 статьи 140 УПК РФ, определяющего как повод к возбуждению уголовного дела: «непосредственное обнаружение дознавателем, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления». Как видим, закон исчерпывающе определяет не только информационный источник, из которого стало известно о преступном деянии, но и прямо указывает, что в наличии имеются определенные **сведения** (информация), указывающие на признаки конкретного преступления, предусмотренного уголовным законом. Сведения в уголовном процессе, как известно, суть доказательства (фактические данные о релевантно значимых обстоятельствах деяния; ч. 2 ст. 85 УПК РФ). Таким образом, в предписании абзаца 5 части 1 статьи 140 УПК РФ законодателем, на наш взгляд, одновременно обозначен и повод, и фактическое основание (сведения о преступлении) к возбуждению дела.

Аналогично: в соответствии с частью 3 статьи 142 УПК РФ устное заявление заявителя о явке с повинной заносится в протокол, в котором подробно излагается **содержание** данного заявления. Информационная суть данного содержания, полагаем, известна; равным образом известно и то, насколько это содержание должно быть фактически связано с обстоятельствами, характеризующими преступное деяние (ч. 2 ст. 85 УПК РФ).

По нормам части 2 статьи 143 УПК РФ к сообщению должностного лица предприятия, учреждения и организации о преступлении, поводе к возбуждению уголовного дела могут прилагаться документы и иные материалы, **подтверждающие обстоятельства** совершения преступления. В итоге, законодатель в очередной раз апеллирует к релевантно-значимым обстоятельствам общественно опасного деяния, которые должны быть оценены на предмет законного и обоснованного возбуждения уголовного дела.

В соответствии с частью 1 статьи 144 УПК РФ: сообщение средств массовой информации как повод может служить основанием для возбуждения дела в случае, если оно **реально обосновано**. В итоге, и к этому поводу закон требует фактического обоснования признаков преступления. В том же нормативном контексте изложены части 1–2 статьи 146 и часть 1 статьи 149 УПК РФ.

Раскроем и прямое указание закона на истинную суть категории «рассмотрение» заявления, сообщения. По нормам статьи 150 УПК РФ прокурор, осуществляя надзор за законностью (надо — и обоснованностью) возбуждения дела, вправе: отменить постановление органа дознания, дознавателя, следователя, нижестоящего прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела и направить материалы для проведения **дополнительной проверки** (абз. 2). Акцентируем: дополнительную процессуальной проверки (фактических оснований!), а не созерцательно неопределенного «рассмотрения» сообщения о преступлении. В итоге, закон не отрицает как необходимости процессуальной проверки повода и основания к возбуждению дела, так и самого факта легальности доследственной проверки, призванной к установлению фактического основания для принятия указанного решения.

Поэтому в целях минимизации исследуемой неопределенности считаем необходимым предложить следующие изменения в действующий уголовно-процессуальный закон Республики Таджикистан:

1. Наименование **главы 17 УПК РФ** должно быть приведено в соответствие с реальными нормативными предписаниями, содержащимися в данной главе, и, соответственно, изложено в следующей нормативной редакции: «Поводы и основание к возбуждению уголовного дела».

2. Наименование **статьи 140 УПК РФ** также следует изменить, и изложить в следующей нормативной редакции: «Поводы и понятие основания к возбуждению уголовного дела».

3. Для целей дефинирования самого понятия «основание к возбуждению уголовного дела» **статью 140 УПК РФ** следует дополнить частью 2, изложив ее нормативное содержание в следующей редакции: «Основанием для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела являются достаточные фактические данные (доказательства), содержащиеся в поступившем поводе или дополнительно установленные управомоченными публичными субъектами процесса в ходе проверки, реализуемой по правилам статьи 145 настоящего Кодекса».

Нормы статьи 145 УПК РФ, регламентируя вопросы, связанные с порядком принятия, регистрации, рассмотрения и разрешения повода к возбуждению уголовного дела, неоднократно апеллируют к полномочиям прокурора, так или иначе связанным с категорией и непосредственно деятельностью по осуществлению уголовного преследования. В частности, прокурор, как и иное должностное лицо уголовного судопроизводства, обязан принять, незамедлительно зарегистрировать, своевременно рассмотреть (проверить) и разрешить в соответствии с частью 6 статьи 145 УПК РФ любой из поводов к возбуждению уголовного дела. По факту здесь суть и содержание доследственной проверки «скрыты» законодателем в категории «рассмотрение» повода, как деятельности практической, уголовно-процессуальной;

— вправе прокурор и властно (актами прокурорского реагирования) отреагировать на факт необоснованного отказа в приеме заявления, сообщения о преступлении (ч. 3 ст. 145 УПК РФ); что, в итоге, безусловно, акт инициации уголовного преследования или отказа в указанном (при отсутствии для этого достаточно доказанных фактических оснований);

— исключительно прокурор указан в качестве управомоченного субъекта, принятия решения по тем заявлениям, сообщениям о преступлении, которые были направлены непосредственно в суд (ч. 4 ст. 145 УПК РФ). И здесь прокурор однозначно объективируется как руководитель функции уголовного преследования, в

соответствии со своим усмотрением (внутренним убеждением) определяющий наиболее оптимальный вектор ее реализации;

— в целях принятия законного и обоснованного решения по итогам проверки (рассмотрения заявления, сообщения о преступлении) единственно прокурор наделен правомочием на продление срока этой проверки до 10 суток, для целей ее всесторонности и объективности (ч. 5 ст. 145 УПК РФ);

— на функцию и роль прокурора в уголовном преследовании указывают и нормы закона, по сути которых он однозначно вправе как самостоятельно возбудить уголовное дело или отказать в его возбуждении, так и направить поступивший повод по подследственности, подсудности (ч. 6 ст. 145 УПК РФ).

Таким образом, приведенные нормы весьма полно и точно формируют процессуальные полномочия прокурора, связанные с рассмотрением и разрешением заявления, сообщения о преступлении. Они же в той или иной мере акцентируют в его деятельности и полномочиях такие содержательные элементы функции уголовного преследования, как инициация процессуальной деятельности, связанной с «неперсонифицированным» уголовным преследованием; непосредственным или косвенным изобличением (доказыванием) как факта деяния, так и возможно причастных к его совершению лиц; властным распоряжением судьбой публичного уголовного иска. Вместе с тем, принимая во внимание доминантные полномочия прокурора в определении оптимальной подследственности уголовного дела (абз. 3 ст. 158, ч. 12 ст. 161 УПК РФ), считаем явным пробелом закона отсутствие нормы о полномочии прокурора на разрешение спора, связанного с направлением заявления, сообщения о преступлении в иной управомоченный орган. Столь же пробел: отсутствие предписаний закона об обязательности направления копии решения следователя, дознавателя, органа дознания о направлении указанного заявления, сообщения по подследственности (подсудности, подведомственности) непосредственно прокурору.

Полагаем, что в целях внесения теоретической и практической определенности в эти моменты и оптимизации непосредственно практической деятельности следует внести необходимые изменения (дополнения) в следующие нормы:

— **часть 7 статьи 145 УПК РФ**, которую после слов «...и разъясняется им право на обжалование решения» следует дополнить

самостоятельной нормой: «Копия решения о направлении заявления, сообщения о преступлении по подследственности (подсудности, подведомственности) незамедлительно направляется прокурору»;

— **часть 8 статьи 145 УПК РФ**, которую после слов «...а равно закреплению следов преступления» следует дополнить самостоятельной нормой: «Споры о передаче заявления, сообщения о преступлении по подследственности (подведомственности) в соответствии с частью шестой настоящей статьи разрешаются прокурором (по месту первичной регистрации заявления, сообщения) в течение 3 суток с момента поступления соответствующего обращения».

Достаточно широко в Республике Таджикистан прокуроры в контексте сути и содержания функции уголовного преследования используют правомочия по отмене решений управомоченных органов и должностных лиц процесса, связанных с отказом в возбуждении уголовного дела. Как известно, данное право основано как на обязанности прокурора по рассмотрению жалоб частных заинтересованных лиц на принятие подобных решений (ч. 4 ст. 149 УПК РФ), так является формой реализации надзорной функции при изучении копий отказных постановлений, направленных прокурору в порядке части 2 статьи 149 УПК РФ.

Более информативно реальные усилия прокуратуры по реализации диалектически взаимосвязанных (и взаимообусловленных) функций надзора и уголовного преследования могут быть проанализированы на основе следующих данных: за период 2016–2020 годов органами прокуратуры выявлено укрытых от учета преступлений и, соответственно, инициировано к публичному уголовному преследованию: 4 882 преступных деяний (2016 — 1 001; 2017 — 1 042; 2018 — 945; 2019 — 932; 2020 — 962). Из них по 1 580 преступлениям возбуждены уголовные дела, и по завершении предварительного следствия эти дела направлены в суд [8, с. 226–227].

Таким образом, и непосредственно нормы закона, и анализ актов прокурорского реагирования, объективируемых на этом процессуальном этапе, дают основания констатировать, что, в отличие от крайне ограниченных правомочий российского прокурора, прокурор в Республике Таджикистан непосредственно объективирован и как активный, самостоятельный деятель (субъект уголовного преследования), и как руководитель, координатор уголовного преследования — самостоятельной функции.

Список источников

1. Быков В. С. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал Российского права. 2006. № 7. С. 54–56.
2. Вицин С. Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 56–58.
3. Ковтун Н. Н. Обеспечение неотвратимости уголовной ответственности при возбуждении уголовного дела: лекция. Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. 75 с.
4. Ковтун Н. Н. Уголовное преследование в уголовном судопроизводстве России: исходная несостоятельность функции или субъектов, ее реализующих? // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 20–25.
5. Тугутов Б. А. Функции прокурора на судебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 29 с.
6. Малышева О. А., Гаврилов Б. Я. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы: монография / под науч. ред. Б. Я. Гаврилова. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 307 с.
7. Гаврилов Б. Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики: монография. Москва: Проспект, 2007. С. 20–35.
8. Рахмаджонзода Р. Р. Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе. 2022. 984 с.
9. Авзалов А. Х. Языковые проблемы Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (на тадж. яз.) // Правовая жизнь. 2014. № 3 (7). С. 45–52.

References

1. Bykov V. S. Problems at the stage of initiating a criminal case. *Journal of Russian Law*, 2006, no. 7, pp. 54–56. (In Russ.)
2. Vitsin S. E. Institute of initiation of criminal proceedings in criminal proceedings. *Russian justice*, 2006, no. 6, pp. 56–58. (In Russ.)
3. Kovtun N. N. Ensuring the inevitability of criminal liability when initiating a criminal case: lecture. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1995. 75 p. (In Russ.)
4. Kovtun N. N. Criminal prosecution in criminal proceedings in Russia: the initial failure of the function or the subjects implementing it? *Criminal proceedings*, 2019, no. 3, pp. 20–25. (In Russ.)
5. Tugutov B. A. Functions of the prosecutor at the judicial stages of the criminal process. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2014. 29 p. (In Russ.)
6. Malysheva O. A., Gavrillov B. Ya. Pre-trial proceedings in Russian criminal proceedings: theory,

practice, prospects: monograph / scien. ed. by B. Ya. Gavrilov. Moscow: Yurayt Publ., 2023. 307 p. (In Russ.)

7. Gavrilov B. Ya. Latent crime: concept, structure, latency factors and measures to ensure the reliability of criminal statistics: monograph. Moscow: Prospekt Publ., 2007. Pp. 20–35. (In Russ.)

8. Rakhmadzhonzoda R. R. The doctrine of criminal prosecution in criminal proceedings of the Republic of Tajikistan. Dissertation... doctor of legal sciences. Dushanbe, 2022. 984 p. (In Russ.)

9. Avzalov A. Kh. Language problems of the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan (in Tajik). *Legal life Journal*, 2014, no. 3 (7), pp. 45–52. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.